

О ПОДГОТОВКЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ БУДУЩИХ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве хранятся личные дела 3 тыс. 327 членов Коммунистической партии Китая и Гоминьдана, жизненный путь которых в той или иной степени связан с деятельностью Коммунистического Интернационала (Коминтерна), особой международной организации, объединявшей в 1919-1943 гг. компартии разных стран. Большинство дел принадлежит студентам различных коминтерновских вузов, проходивших подготовку на территории СССР под непосредственным контролем со стороны советских большевиков. Примерно $\frac{3}{4}$ из них – дела китайских коммунистов, 167 из которых сыграли сравнительно крупную роль в истории КПК. Среди последних особенно большое значение имели будущие руководители КНР: Лю Шаоци, Чжу Дэ, Дэн Сяопин, Ян Шанкунь, Жэнь Биши, Линь Бяо, Чэнь Бода, Ли Фучунь, Линь Боцюя (Линь Цзухань), У Юйчжан, Дун Биу, Сюй Тели, Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Лю Бочэн, Е Цзяньбин, Не Жунчжэнь, Сяо Цзингуан, Чэнь Чанхао, Уланьфу, Янь Хунъянь, Кун Юань, Чжан Циньцю, У Сюцюань и Ван Гуанлань.

2. Часть этих людей училась в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. В. Сталина (КУТВ), первом интернациональном комвузе Страны Советов, созданном по решению ВЦИК 21 апреля 1921 г. Речь идет о Лю Шаоци (будущем втором после Мао Цзэдуна человеке в иерархии КПК и председателе КНР), Дэн Сяопине (фактическом лидере КНР в 1979-1997 гг.), Жэнь Биши (будущем секретаре ЦК КПК в 1945-1950 гг.), Ли Фучуне (будущем председателе Госплана КНР), Не Жунчжэне (одном из будущих маршалов КНР) и

Сяо Цзингуане (будущем адмирале ВМФ КНР). Все эти люди сыграли выдающую роль в истории КПК и Китайской Народной Республики. Но способствовало ли их формированию как будущих руководителей КНР время, проведенное ими в Советской России? И если да, то в какой степени?

3. Ответ на эти вопросы дают архивные материалы, многие из которых до сих пор оставались недоступны исследователю. Из них становится ясно, что практически все из названных руководителей КНР вне зависимости от времени их учебы в Москве испытали на себе влияние большевистской идейно-политической пропаганды, направленной прежде всего на то, чтобы воспитать в них веру в утилитарно понимаемый их учителями коммунизм, а также беспрекословную преданность делу партии и Коминтерна. Большевизация сознания будущих активистов КПК, как и других восточных компартий, составляла цель КУТВ с самого начала работы этого «университета социальных наук для работников Востока» (выражение Г. Е. Зиновьева).

4. Что касается китайцев, то они учились в этом университете в 1921-1928 и 1934-1936 гг.: в 1921-1923 гг. их было 35-36 человек, в начале 1924 г. – 51, в середине апреля 1925 г. – 112, а в 1936 г. – 143 человека.

Лю Шаоци, Жэнь Биши, Сяо Цзингуан были зачислены в КУТВ одними из первых, 1 августа 1921 г. Отобрали их на учебу в Москву сотрудники Коминтерна: представитель Иностранного отдела Владивостокского отделения Дальбюро РКП(б) Г. Н. Войтинский и Ян Минчжай, которые вместе с главой Шанхайского коммунистического кружка Чэнь Дусю в сентябре 1920 г. организовали под вывеской Школы иностранных языков на территории французской концессии краткосрочные курсы для социалистически настроенных молодых китайцев, желавших поехать учиться в Советскую Россию.

Сразу после регистрации Лю, Жэня и Сяо определили в специальный китайский сектор (он вначале обозначался буквой «А», затем – «Ц»). После этого в целях конспирации им дали новые имена: Лю Шаоци стал Лю Сяном (по традиционному названию его родной провинции Хунань – «Сян», от реки Сянцзян, протекающей через нее), Сяо Цзингуан – Глосским, а Жэнь Биши – Белинским, в честь великого критика. Скоро, правда, «Белинский» превратился в «Бринский»: так почему-то сотрудникам КУТВ нравилось больше. (Кстати, именно тогда Жэнь Биши стал впервые использовать и это свое китайское имя; до того он носил другое – Жэнь Пэйго.) Осенью 1924 г. из Франции в КУТВ прибыл Не Жунчжэнь, в КУТВ получил псевдоним Зорин), а в конце 1924 г. – Ли Фучунь (Григорьев). Дэн Сяопин же, носивший тогда имя Дэн Сисянь, был зачислен в КУТВ 17 января 1926 г., и его псевдонимом стал Крезов.

5. Обучение в КУТВ было весьма напряженным. Студенты ежедневно изучали русский язык, политическую экономию, исторический материализм, историю классовой борьбы, историю рабочего движения, историю ВКП(б) и некоторые естественные науки. Читали «Манифест Коммунистической партии», «Азбуку коммунизма» Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского (на английском языке), а также работы Ленина. Времени на все это было не очень много: в КУТВ первоначально существовал семимесячный курс, а с 1922/23 учебного года – трехлетний. Уровень марксистской подготовки подавляющего большинства вновь прибывших студентов был невысок. Сяо Цзингун, например, признавал: «В то время мы еще были несмышленишками, не имевшими никакого революционного опыта. Нас пока только обуревали революционные чувства, мы страстно жаждали найти пути спасения родины. Находясь в послеоктябрьской революционной России, мы на все смотрели широко открытыми глазами, нам все нравилось, все было новым».

Революционных чувств, однако, было мало. Нужны были знания, приобретения которых сдерживалось серьезным языковым барьером между студентами и преподавателями. «Для КУТВ и СУН [Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена] нужны руководы [руководители], знающие русский язык. Не меньше 15 человек. Иначе прямо хоть не открывай лавочек. Нужно, как можно скорее», – писал 2 октября 1925 г., т.е. через четыре года после открытия КУТВ, политсекретарь Восточного отдела ИККИ Б. А. Васильев Войтинскому, находившемуся в Китае. Тот обещал помочь, но ничего сделать не смог, так что через два месяца в дело вмешался уже заведующий Восточным отделом Ф. Ф. Петров (Раскольников). «С переводчиками [в КУТВ и УТК] – хуже скандала, – написал он тому же Войтинскому. – Требуемых (и обещанных Вами) переводчиков нет. Сунь Ятсен [УТК] ставит вопрос о закрытии ввиду невозможности вести занятия. КУТВ почти в таком же положении. В чем дело? Давайте переводчиков. Телеграфируйте». Но ситуация не изменилась к лучшему.

Жэнь Биши, правда, это не касалось: в отличие от многих других он быстро овладел русским. Чего нельзя сказать о Лю Шаоци, Сяо Цзингуане, Не Жунчжэне, Ли Фучуне и Дэн Сяопине. Так же, как подавляющее большинство студентов, они, говоря словами еще одного студента КУТВ Чжэн Чаолина, «мало что получали на уроках русского языка». Они легко запомнили первое выражение, которое просил их заучить, начинавший курс преподаватель: «КУТВ – это Коммунистический университет трудящихся Востока». Но дальше этого дело шло с трудом. К сожалению, преподавателей, знавших китайский язык, в КУТВ вплоть до 1927 г. почти не было, поэтому студенты, не понимавшие русский язык, с трудом уясняли и все прочие дисциплины. Ведь во время устных лекций половина часов уходила на перевод, причем, не всегда адекватный: переводчики, имевшиеся в КУТВ (одними из них были Цюй Цюбо и Ли Цзунъю), не являлись специалистами ни в политической экономии, ни в

историческом материализме. Вот что по этому пишет один из бывших студентов: «Учителя что-то скажут, а затем переводчик повторит это же на китайском языке. Т.е. один час лекции по существу равнялся получасу. Более того, мы не всегда могли понять перевод, который зачастую не был правильным. Нашим учителем экономики была [молоденькая] девушка, а исторического материализма – пожилая женщина. Они обе относились к нам как к школьникам и давали лишь поверхностные общие знания . . . Нас никогда не смешивали со студентами других национальностей [только во время общеуниверситетских собраний все студенты собирались вместе]. Одной из причин этого было то, что всего несколько человек из нас понимали русский».

Дело усугублялось и почти полным отсутствием большевистской литературы на китайском языке, особенно в первые годы существования КУТВ, когда, собственно, и учились будущие руководители КНР. Никаких учебников и учебных пособий просто не существовало, несмотря на то, что усилия по поиску соответствующей литературы стали предприниматься администрацией КУТВ сразу же после открытия университета в 1921 г. Кружководы-переводчики старались изо всех сил, но выполнить перевод всех лекционных материалов не могли. Работа требовала времени, так что на первых порах студентов из Китая просили составлять краткие конспекты лекций и изложения работ Ленина на китайском языке, и только потом развернули более или менее систематическую работу по переводу.

Преподавательский состав КУТВ в основном комплектовался сначала из выпускников Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, созданного большевиками еще в 1918 г., а с 1924 г. – и из выпускников Института красной профессуры, организованного почти одновременно с КУТВ в 1921 г. Разумеется, все преподаватели были членами партии или комсомола, так как их партийности придавалось особенно большое значение. От того, что и

как они преподавали, зависел не только уровень образования их студентов, но и степень преданности последних идеалам большевистского руководства. «Спецы-некоммунисты, – говорил в 1921 г. Ленин, – должны работать под контролем коммунистов . . . Содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами».

К сожалению, большая часть преподавателей-коммунистов не знала Востока, но это на первых порах не очень смущало большевистское руководство. Между «красными» и «специалистами» они не колеблясь выбирали «красных». Удельный вес восточных проблем в курсе всеобщей истории даже в 1935-1936 учебном году составлял всего 35% (в предшествующие годы – 10%).

6. Таким образом, организация обучения китайских революционеров на территории Советской России в первые годы после Октябрьской революции, совершенно естественно, сопровождалась целым рядом трудностей. Отсутствие необходимого опыта существенно тормозило процесс большевизации коммунистических кадров. Советские администраторы и учителя КУТВ, не знавшие китайский язык, неизбежно упрощали материал, сложный для понимания, что неизбежно сказывалось на качестве преподавания. Так что по существу вместо настоящей теории марксизма китайские студенты в основном получали некоторый набор постулатов, который не мог создавать у них целостную картину нового учения. Не лучше обстояло дело и с изучением русского языка: лишь несколько человек за все время существования КУТВ смогли овладеть им в совершенстве. В малой степени, к тому же, советские педагоги учили своих студентов творчески и самостоятельно мыслить, применяя

полученные ими теоретические знания на практике, в китайских условиях революционной борьбы.

Такой характер учебы в целом неизбежно вырабатывал у всех китайских студентов КУТВ склонность к догматизации марксизма, приводя к упрощенному восприятию ими большевистского опыта. Не являлись в этом смысле исключением и будущие руководители КНР, особенно те из них, кто смог окончить полный университетский курс: Жэнь Биши, Сяо Цзингуан и Ли Фучунь. В меньшей степени недостатки учебы сказались на мировзрении Лю Шаоци, проучившегося в Москве всего 6 месяцев и Дэн Сяопина (в КУТВ учился меньше месяца, после этого в течение 11 месяцев обучался в УТК).

Использованные источники и литература

1. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы: В 5 т. М., 1994-2007.
2. *Ленин В. И.* Директивы ЦК коммунистам-работникам Наркомпроса // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1961. С. 319-321.
3. 1-ый съезд народов Востока. Баку. 1-8 сент[ября] 1920 г. Стенографические отчеты. Пг., 1920.
4. *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М., 2007.
5. *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайский отношений (1919-1927). М., 2001.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225 (Личные дела членов Коммунистической партии Китая и Гоминьдана); Ф. 532 (Коммунистический университет трудящихся Востока/НИИНКП).
7. *Тимофеева Н. Н.* Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921-1925). // Народы Азии и Африки. 1976. № 2. С. 47-57.

8. Тимофеева Н. Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в 1926-1938 гг. // Народы Азии и Африки. 1979. № 5. С. 30-42.
9. Жэнь Биши няньпу. 1904-1950 (Хронологическая биография Жэнь Биши. 1904-1950). Пекин, 2004.
10. Лю Шаоци няньпу. 1898-1969 (Хронологическая биография Лю Шаоци. 1898-1969): В 2 т. Пекин, 1998.
11. Лю Шаоци цзышу (Автобиографические записки Лю Шаоци). Пекин, 2003.
12. Не Жунчжэнь хуэйилу (Воспоминания Не Жунчжэня). Т. 1. Пекин, 1983.
13. Сюе хай у я: цзиньдай Чжунго лю сюешэн чжань (Учеба за морем без берегов: Экспозиция, посвященная студентам Китая нового время, обучавшимся за границей). Сянган, 2003.
14. Сяо Цзингуан хуэйилу (Воспоминания Сяо Цзингуана). Пекин, 1987.
15. Сяо Цзингуан. Фу Су Сюэси цяньхоу (До и после учебы в Стране Советов) // Гэмин ши цзыляо. Пекин, 1981. № 3. С. 1-21.
16. Цзян Канху. Синь Э юцзи (Записки о путешествии в новую Россию). Шанхай, 1923.
17. Чжунхуа люсюэ минжэнь цыдянь (Словарь знаменитых деятелей Китая, обучавшихся за границей). Чанчунь, 1992.
18. Чжэн Чаолин хуэйилу (Воспоминания Чжэн Чаолина). Сянган, 1982.
19. Чэнь Шаокан, Чжан Цин. Шоу пи фу Э сюэсидэ циннянь (Первая группа молодежи, поехавшая на учебу в Россию) // Шанхай дицуй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо (Материалы по изучению деятельности по строительству партии в Шанхайском районе). Шанхай: Шанхай ши дии жэньминь цзинча сюэсяо, 1986. С. 102-103.

20. Чэнь Юйтан. Чжунгундан ши жэньу бемин лу (цзыхао, бимин, хуамин) (Список псевдонимов деятелей истории КПК [прозвища, литературные имена, другие имена]). Пекин, 1985.
21. MacClellan Woodford. *Black Hajj to "Red Mecca": Africans and Afro-Americans at KUTV, 1925-1928 // Africa in Russia. Russia in Africa. Three Centuries of Encounters.* Trenton, NJ, etc., 2007.

This document was created using
Smart PDF Creator

To remove this message purchase the
product at www.SmartPDFCreator.com